

УДК 801.3

DOI: 10.17223/19986645/56/4

Е.В. Иванцова

КОНЦЕПТ ХЛЕБ В ДИСКУРСЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

Предпринят анализ концепта ХЛЕБ в лингвоперсонологическом аспекте, с опорой на дискурсивные данные диалектной языковой личности сибирской крестьянки. Рассмотрены основные смысловые области, связанные с представлениями о хлебе, и средства их вербализации, особенности отдельных слоев концепта и его связи с другими единицами концептосферы. Выявлены отраженные в дискурсе носителя традиционной народно-речевой культуры черты пра-логического сознания и в то же время переход некоторых ранее актуальных признаков концепта в исторические.

Ключевые слова: концепт, хлеб, диалектная языковая личность, дискурс, русские говоры Сибири.

Концепт ХЛЕБ, занимающий важное место в культуре многих народов, входит в число базовых культурных констант, репрезентирующих черты национальной ментальности. Он анализировался исследователями в различных лингвокультурных общностях – русской, английской, немецкой, американской, таджикской и др. [1–4], в том числе в сопоставительном аспекте. Пристальное внимание уделяется данному концепту при описании русской концептосферы, поскольку «хлеб» рассматривается как одно из центральных понятий отечественной материальной и духовной этнокультуры.

Особенно ярко сущность национально-специфичных по своей природе концептов отражается в народно-речевой среде, являющейся первоосновой национальных языков. При анализе концепта ХЛЕБ в традиционной русской культуре источником служил прежде всего «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; привлекались также некоторые другие областные словари и данные говоров Среднего Прииртышья [3, 5, 6].

В настоящей статье этот концепт рассматривается в лингвоперсонологическом аспекте. Исследование является частью масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности, выполняемого учеными томской диалектологической школы (подробнее см. [7]). Ранее в идиолектной системе концептов сибирского старожила Л.Г. Гынгазовой были описаны ЗЕМЛЯ, ВОЛЯ, ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, БОГ, ГРЕХ, ПУТЬ [8–13] и ряд других.

Материалом для анализа послужили тексты сибирской крестьянки Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), отраженные в «Полном слова-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

ре диалектной языковой личности» [14] и авторском архиве записей речи информанта (около 10 000 страниц), производившихся в условиях включения в языковое существование говорящего в течение 24 лет.

Концепт понимается вслед за С.Г. Воркачевым как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [15. С. 47–48]. Хотя он рассматривается как отмеченная этнокультурной спецификой «единица коллективного знания / сознания» [Там же], однако в концептосфере языковой личности концепты существуют в индивидуальном варианте, в то же время отражая типические черты социума и его культуры.

Как и другие элементы концептосферы в традиционных сообществах, концепт ХЛЕБ имеет глубокие исторические корни. Он сформировался на раннем этапе развития нашей культуры в среде, где в экономике преобладал аграрный уклад, а в условиях прямой зависимости человека от природы остро стояла проблема выживания. В числе ментальных особенностей его представителей отмечают направленность зон актуального внимания на свою семью и хозяйство, сельские промыслы и природу; особую значимость фольклора и верований, принципиальную ориентированность на традицию, доминирование мифологического характера миропонимания [16]. Этапу существования таких сообществ соответствовало пралогическое (дологическое) мышление (по Л. Леви-Брюлю), которому свойственны комплексность, диффузность, конкретность и образность [17. С. 30].

Многие из перечисленных черт находят отражение в концепте ХЛЕБ как компоненте концептосферы исследуемой языковой личности.

Показателен в этом отношении прецедентный текст о хлебе *на собачью долю*, широко известный в разных вариантах у славян [18. Т. 5. С. 420] и усвоенный В.П. Вершининой еще в детстве от матери: *А это мама говорила. А это... пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком: «Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!» – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок. А одна женишына, гыт, ша'ньгу выташишыла, ша'ньга с начинкой, намазана, сметаной – как... ну, от как я пеку ша'нежки, – и подала ему в окошко. Он к другой пошёл. А у ей, гыт, ребёнок обмарался, она блин схватила, да говорит, это блином подтёрла ему задницу-то, да и подала, гыт. Ну и вот, оспо'дь Бог, гыт, прогневался и голод созда'л. Хлеб, чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют всё! – это мама рассказывала. Дак это ешо кода' там, кто-то будто бы говорил, не мама. Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все, это... прям голод! А потом Бог, гыт, послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: «Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим». Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года, гыт, хлеба не было. Не родился. А потом... выли собаки и просили. Просили хлеб¹.*

¹ В квадратных скобках отражены реплики или пояснения собирателя материала. Фрагменты связной речи информанта отделяются точкой с запятой. В отдельных слу-

Легенда о хлебе, пересказанная крестьянкой, отражает типичные для народно-речевой культуры способы сохранения культурных знаний через мифологический текст, репрезентацию в нем образного мировосприятия (базовые представления о ценностях переданы через сюжетный рассказ в лицах) и пралогического мышления: хлеб представлен в синтезе не вполне расчлененных смыслов, соотносимых и с продуктом питания из муки зерновых культур (к нему в рассказе отнесены и *шаньги*, и *блины*), и с растениями, дающими пищу (наказание за неуважение к хлебу – лишение урожая), и, наконец, с субстанцией, без которой невозможна жизнь. Нераздельно слиты в древнем мифе бытовое и бытийное; передается отношение к хлебу как сакральной сущности, дарованной человеку высшей божественной силой.

Анализ бытового дискурса диалектоносительницы, по существу, отражает уже намеченные в мифе основные особенности концепта ХЛЕБ, в то же время позволяя рассмотреть более детально их вербализацию. В каждой из выявленных смысловых областей концепта вычленяются элементы различных его слоев, которые в сумме дают общую картину представлений о хлебе как культурно отмеченной единице коллективного сознания / знания (по С.Г. Воркачеву) в дискурсе конкретного носителя народной культуры.

1. Один из наиболее значимых смыслов, связанных с представлением о хлебе, соотносится с **обозначениями зерновых на корню**. Денотативный слой этой смысловой области концепта вербализуется в первую очередь через упоминаемые информантом наименования выращиваемых злаков. Чаще всего к ним относятся *рожь*, *пшеница* / *пашени'ца*, *овёс*, *ячмень*. Рядом с ними в контекстах в качестве зерновых хлебных культур называются *про'са* «просо» и не являющаяся злаком *горечу'ха* / *гречка* «гречиха», поскольку из гречневой и просяной муки в прошлом тоже пекли хлеб и блины: *Мы раньше тоже жали в войну, рожь жнём; Ячмень сеяли раньше. А теперь чё-то не стали сеять. Ну всё равно – пшеница, овёс – сеют; Хлеб сеяли. Пашени'цу, гречу'ху, овёс сеяли. Ну, хлеб сеют, там овёс, пашени'цу там, рожь, или там горечу'ху сеяли, про'су сеяли, горох сеяли...; Про'су жали, пашени'цу*. Отмечена также устаревшая лексема *весно'вка*, обозначающая яровую рожь или пшеницу: *Ранней весной сеяли, и жнут рано. Она «весновка» называлась. У ей ма'ленько зёрнышко, под вид ржи. <...> Ну и ростом она поменьше была. В идиолексиконе имеются также низкочастотные названия культур, различающихся временем посева, – *яровые* и *зимовы'е* «озимые»: *А раньше сеяли. Зимова' пшеница, я помню; А яровы' хлеба выгорели уже*. Однако наиболее частотна обобщенная номинация *хлеб* или *хлеба'*, в контекстных реализациях которой акцентируется то семантика «произрастающие зерновые» (*Хлеба растут, да; Стригу'н напал на траву да на хлеб. Состриг; Запрягут пару лошадей и косят хлеб*), то «срезанные злаки» (*Так-то лито'вкой если косить,**

чаях полужирным шрифтом маркируется эмфатическое ударение. При передаче диалога диалектоносителей указывались инициалы собеседников.

он будет рассыпаться хлеб-то везде это, колосья-то – а тут, как это грабка'ми – вроде как собира'т), то «зерно как посевной материал» (Хлеб сеяли; На ём [мысе] хлеб сеют, ко'сют) или «зерно как полученный урожай» (Вим? Машина это. Хлеб подрабатывали раньше. <...> Хлеб сортируют; Он [тракторист] там хлеб получил – тонну ли сколько им, мельницу купили). В ряде контекстов наблюдается совмещение обозначения растущих зерновых и зерна нового урожая: *А потом на зало'ге хлеб хороший родился на этих местах; А передавали по радио, в Коже'вниковой рожь ши'бко хоро'ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; Кто-то говорил, [нынче] хоро'ши вобиэ' хлеба'.*

Объединяет эти смежные значения, очевидно, не всегда эксплицированная в дискурсе, но всегда подразумеваемая прагматическая задача труда хлебопашцев – получение нового высокого урожая. Для крестьянского социума культивирование зерновых – основа традиционной аграрной культуры, а от полученного урожая зависит жизнь и общины в целом, и каждой из входящих в нее семей.

Значимость момента созревания злаков маркируется образной диалектной лексемой *хлебозо'р* для обозначения ночных зарниц, по народным представлениям указывающих на место, где начинают колоситься хлеба (*Хлебозор называли. Хлеб зо'рят, говорят*), и паремией, в которой объединены примета и поговорка: *Рожь на колос идёт кода', ячмень, ли овёс, ли эта, пшеница – «кукушка, гыт, подавилась».* Приведенный текст транслирует установление связи между временем выхода зерновых на колос и замолканием кукушки, активно издающей характерные звуки в первой половине лета. Эта связь, отражающая эмпирические наблюдения в крестьянском социуме, тоже получает образное выражение: птица перестает куковать, потому что *подавилась колосом* (поговорка зафиксирована в ряде регионов: «Вост. Сиб., Беломор., Онеж., КАССР, Арх.» [19. С. 48]).

В дискурсе языковой личности отражен полный цикл сельскохозяйственных работ по выращиванию хлеба: подготовка новых земельных участков с раскорчевыванием лесного массива для расширения посевных площадей, сеяние, жатва, связывание в снопы, обмолот, просушивание зерна до нужной кондиции: *Да и корьчевали, зало'г копали, всё руками – ой, как тяжело-то! А потом на зало'ге хлеб хороший родился на этих местах; Хлеб сеяли... Руками обрабатывали, серпами жали. <...> Помного жали. Про'су жали, пашени'цу; Запрягут пару лошадей и косят хлеб; По тысяче двести снопов навязывала! Только загребая! <...> Коля говорит: «Вязала-то! Люди-то говорят, по тысяче двести». А Валя гыт: «Это за сколько, за месяц ли чё ли?» – Валя наша гыт. [В день?] В день, конечно. В день; Это, рано-рано ставали до' свету, рано, и начинали молотить; Его [хлеб] надо... скосить и связать в снопы, снопы постоят – скирдовать надо, потом скирды станут молотить; А я на сушилке работала – сколь годо'в на сушилке работала! От лесенки [ступеньки] – от так идёшь, лесенки, сколь ле'сенков, пять-шесть, да туды ле'сенков, наверно, восемь. Наверьх туды' таска'шь пашени'цу. Ведра по' три, там по сколь-*

ко, всю ночь и ходишь, и ходишь... Таска'шь, да опуска'шь, да туды', да суды' да... Ой! Любопытно, что в идиолексиконе информанта для обозначения земледельческого труда не зафиксировано слово *хлебопашество*; отмечен нелитературный синоним к нему – *крестьянство* «земледелие» (*Крестьянством занимались, и скотина была*), указывающий на основной род занятий сельских жителей.

Фрагменты дискурса отражают большой объем работ, направленных на выращивание хлеба (*помного жали; по тысяче двести снопов навязывала*); их длительность в период страды с восхода солнца до поздней ночи (*Ранорано ставали до' свету, рано, и начинали молотить; Конба'ин пойдёт хлеб косить, жать, убирать – только шум стоит. Ночью выйдешь на' берег – косят допоздна; Всю ночь и ходишь, и ходишь [таская пшеницу на сушилке]*). Подчеркивается изнуряющая энергозатратность физического ручного труда (*...зало'г копали, всё руками – ой, как тяжело-то!; Хлеб сеяли... Руками обрабатывали*), на смену которому поэтапно пришли сначала примитивные орудия, а потом механизмы. Еще один воспроизводимый диалектоносительницей прецедентный текст, услышанный из речи матери, повествует об архаическом способе уборки зерновых в древности (*хлеб руками дёргали*) и появлении у земледельцев серпа, облегчившего сбор злаков: *Руками дёргали [раньше хлеб], и всё. Сколько родится там – выдергают его хозя'вы свои. Все свой хлеб дёргали. Ну это, может, первобытно, может, правда, я всё думаю. А потом, гыт, это, серпы появились. <...> А там, гыт, пришла женишына, ли кто ли, и нажала – сырой был, она так ку'чкими накла'ла его, не в снопы связала, а ку'чкими накла'ла. А там пришёл, гыт, хозяин – «О, батюшки мои, червяк какой появился! Надо его куды'-то избывать! Червяка этого». <...> Взял, гыт, на серпу' камень, привязал, гыт, его туды', и в реку утопил.*

Осознание представителем традиционной народной культуры тяжести вложенного в выращивание хлеба труда, базирующееся на личном опыте индивида, свидетельствует о тесной связи концептов ХЛЕБ и ТРУД.

Оценки растущих зерновых культур (и вызревающего в них зерна) носят исключительно прагматический характер: *хорошим* считается еще не убранный хлеб, который свидетельствует о высоком урожае: *А передавали по радио, в Кожевниковой рожь ши'бко хоро'ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; Н.Н. Хоро'ша пшеница ози'ма така'!* В.П. *Кто-то говорил, хоро'ши вобиэ хлеба'.* Антонимичные отрицательные оценки (**плохой хлеб / хлеба'* и под.) не отмечены, констатируется только отсутствие урожая (*Три года, гыт, не было хлеба*) или его причины (*А яровы' хлеба' выгорели уже. Выгорело, нечего, гыт, раишытывать на хлеб; Стригу'н напал на траву да на хлеб. Состриг*). Эстетические оценки злаковых растений отсутствуют.

От урожая зерновых, составлявших основу аграрной культуры, во многом зависела жизнь крестьянской семьи. Выращивание хлеба как первоочередную жизненную необходимость отражает поговорка *умирать собирайся, а рожь сей*. Не случайно в обрядовом слое концепта диалектоноси-

теля важное место занимают христианские и языческие обряды, обычаи и мифологические образы, связанные с хлебопашеством.

Начало сева, как всякое важное дело, сопровождалось молитвой: *Зажгут свечку, помо'лятся, [когда родители] первый раз сеять поедут, пшеничку. <...> Всё было это всё, конечно. От я помню, свечку зажгут, помо'лятся богу, и пойдут баслов'ясь, сеять.*

Связь народного славянского календаря и христианских праздников отражает паремия *Рожь в землю, а лук из земли*, соотносимая с Фроловым днем, до которого старались закончить посев озимых: *Вот рожь сеют её осенью. <...> Вот был Фро'лов день, это осенью. До Фролова дня сеют рожь. Рожь в землю, а лук из земли. <...> А уж после Фролова дня не сеяли рожь.*

Отголосками языческих верований можно считать архаизирующуюся лексику *болу'дница* (первоначально *полу'дница* – дух в женском облике, персонификация полдня как опасного времени суток [18. Т. 4. С. 154]) и бытовавший в сибирском селе еще в начале XX в. обряд «оставления бороды» из несжатых колосьев на убранном поле¹. Такие фрагменты идиолектного дискурса демонстрируют связи концепта ХЛЕБ с концептом ТРАДИЦИЯ. Показательно, что свидетельства информанта и в том и в другом случае указывают на переход обрядовой семантики из актуального признака концепта в пассивный, исторический (по Ю.С. Степанову [20. С. 48]): *Ну, всегда плету [косы]. А то рассыплются, я хожу как болудница. <...> [Это нечистая сила?] Ну конечно, чё-то тако'. Худо' чё-то. [Воспроизводит речь матери:] «Болу'дница. Заплети хоть расчеши голову-то, как болудница!» А кака' болу'дница – я не знаю; [Родители, заканчивая жатву, говорили:] «Бороду, гыт, оставить надо». А чё, на чё – не знаю.*

2. Еще более значимое место в сознании диалектоносителя занимают представления о **хлебе как продукте питания**.

В речи сибирской крестьянки отмечены единичные контексты, где лексема *хлеб* в цепочке «зерновые на корню» – «созревающее в колосьях зерно» – «зерно как собранный урожай» – «вид / виды пищи из этого продукта» приобретает также контекстное значение «продукты переработки зерна как основа для изготовления пищи», промежуточное между двумя последними: *Высушат [колоски], да в ступке истолкут, да кашу варят, с их. Ну это же хлеб, всё равно; Ну хлеб-то не ута'сывали [при пожаре]. Муку-то там не'кода было.* С этой семантической составляющей представлений о хлебе соотносятся некоторые виды традиционных народных блюд, впоследствии устаревших. В их число входили *заваруха* «мучная каша, завариваемая на молоке или воде» (*Заваруху сварила, так ес из кастрюли. [За-*

¹ В славянской мифологии полудница «...регламентирует поведение человека в полдень, особенно в поле в период уборки урожая, не давая в это время жать <...>. Она мучает и жестоко наказывает тех жнецов, которые, пренебрегая запретом, в полдень работают в поле или спят на меже...» [18. Т. 4. С. 155]. «Борода» из части оставленных на поле по окончании жатвы колосьев, связанных особым образом, осмыслялась как жертва Богу или божествам либо полевым животным и птицам [Там же. Т. 1. С. 233].

варуха из чего?]) Из муки. [Мука и вода?] Молоко. Она как каша, масла положишь куда'), а также кисели на основе зерновых продуктов (*Кисели варили ра'зны – кра'сны кисели, из аржано'й муки варили, делали*). Очевидно, смысловой компонент «мука» следует отнести к периферии рассматриваемого концепта, тогда как в ядерную зону входит представление о хлебе как о готовом к употреблению изделии из муки.

Для обозначения этого продукта используется прежде всего лексема, совпадающая с именем концепта. В речевой практике индивида зафиксированы гипонимические связи слова *хлеб* с единицами *выпечка* (*Нехоро'ша у ей получилась... Хлеб, выпечка*) и *стряпаное* (*Угу, хлеб любит он [ребёнок]. Стряпано любит тако', мя'гло ест, ага*). В метатекстовом высказывании упоминается архаизировавшийся синоним к нему, функционировавший еще в начале XX в. в детской речи: [*А папой хлеб звали?*] *Ага. Ребятишки звали «папа». [Только ребятишки?] Угу. Угу. Ребятишки. А так-то не звали. Папа. «Кусочек [хлеба]» – счас-то говорим, а раньше: «Дай папы! Папы дай!»*.

В работах, где в рамках анализа концепта ХЛЕБ рассматривается хлеб как пища, круг входящих в него продуктов очерчивается по-разному, иногда – очень широко. Так, З.Д. Мирзоевой в состав хлеба включаются изделия из муки с начинкой и без начинки, из пресного и сдобного теста, изготавливаемые выпеканием, жаркой на масле и варением в кипящей воде – от собственно хлеба до чебуреков, пельменей и пирожных [3. С. 58–64]. Вообще границы денотативной области мучных изделий, относящихся к хлебу, нельзя считать четкими, как нечетки и границы областей «хлеб как растение» и «хлеб как пища» с переходными участками. Однако данные идиолекта сибирской крестьянки позволяют сделать вывод, что у исследуемой языковой личности представления о хлебе в качестве продукта питания отражают довольно узкий круг денотатов. Под ним подразумевается, как правило, вид несладкой выпечки из дрожжевого теста на основе пшеничной или ржаной муки. Такая выпечка, входящая в рацион крестьянской семьи, повседневно использовалась и в дополнение к другим блюдам, и как отдельный пищевой продукт.

Пироги и пирожки как вид выпечного изделия из пшеничной муки с начинкой, судя по контекстам, не считаются разновидностью хлеба: [*А хлеб раньше резали или ломали?*] *Резали. <...> На поминках пирожки ломали. [Только пирожки?] Ну, а хлеб-то там и не было*. Очевидно, и наличие начинки, и иной способ приготовления (варка в отличие от выпекания) оставляют за пределами концепта ХЛЕБ пельмени. Хотя батон носителями литературного языка относится к хлебу в широком смысле слова, эта непривычная для деревенского жителя выпечка уподобляется ему по некоторым вкусовым качествам, но не воспринимается как собственно хлеб: [*Как вам батон?*] *Ничё. Он как вроде бы постноватый такой. Как хлеб, под вид хлеба*.

За пределами ядра некоторые виды выпечки обычно противопоставляются хлебу, но в отдельных высказываниях идентифицируются с ним. Ср. два контекста о *ша'ньгах* – небольших сдобных, но несладких булочках

домашнего изготовления: а) *И чёрный хлеб этот был. А я хлеб-то наре'зала на стол, да булочки были поставила* (хлеб и булочки перечисляются как разные продукты питания) и б) *А.М. Куда это ты? Н.Н. Говори! В.П. По хлеб пошла [на веранду]* (для обозначения этих же булочек используется номинация *хлеб*).

Не относятся к хлебу и несладкие блюда из муки, приготовленные на сковороде с использованием масла, – *лепёшки, оладьи / ола'дни, блины*. Вместе с тем они в какой-то степени близки к хлебу по составу, готовятся также выпеканием и могут выступать в качестве заменителей хлеба при его отсутствии: *А хлеба у меня просит [пьющая односельчанка], пойдёт там: «Ты мне, Прокофьевна, дай грамм двести хлеба». А мне тот раз – правда, я ола'дни напекла, не было хлеба. А я говорю: «У меня у самой нету». А она это... потом ей кто-то дал лепёшки; А ты муку покупала? Хоть лепёшки бы стряпала. А то де, хлеба ра'зе наберёшься? Он зачерстве'т, да запли'сневет. А тут уж можно лепёшку каку' состряпать; Я ола'дни напекла, не было хлеба.*

На близость хлеба и блинов указывает также рассказ информанта о прошлом, в котором производимая в начале XX в. полужидкая выпечка из гречневой, просяной или овсяной муки называется то *блинами*, то *хлебом* [21. С. 27]: *Я помню, мама дак... ну, я-то не пекла. Мама наливала... про'твени таки' были, она их, так не ши'бко густы' – хороший хлеб был, вкусный [из гречневой муки]. Блины пекли от таки' толи'шой. <...> [И как-то назывался по-другому гречневый хлеб?] У-у. Хлеб, всё равно. Гречневый. Блины греч'невые. <...> Про'су обдирали, я помню, мололи, ободрали про'су, да мололи, прося'ный был – жё-олтый такой! [Хлеб?] Не хлеб, а тоже блины пекли. Прося'ны. Овся'ны пекли. <...> Тоже жиденький пекли. Не так, чтобы хлеб, а таки'... или он не получался, ли чё ли? пошто'-то жидкий. Заведут таку'... ну, как на густы' ола'дни, – стряпают.*

Разновидности хлеба в зависимости от вида муки ранее обозначались по типу зерновых (*ржаной / аржано'й и пашени'чный / пшени'чный*) и имели также синонимичные им цветковые обозначения (из ржи – *чёрный*, из пшеницы – *белый*). При этом в сибирском селе выращивалась преимущественно рожь и наиболее типичным было повседневное потребление чёрного хлеба, хотя покупалась и пшеничная привозная мука: *А изо всякой [муки стряпали]. Иржану' стряпали и пшени'шну стряпали. А белой-то не было муки.* Выше приведен также контекст, в котором упоминаются выпекавшийся еще в первой половине XX в. *гречневый, прося'ный, овсяный хлеб / блины*.

Номинации видов хлеба, в которых мотивировочным признаком являлся вид злака, в настоящее время устарели. В повседневной речевой практике в конце XX – начале XXI в. для обозначения сортов хлеба информантом использовалась триада *чёрный / серый / белый*, в которой средний компонент является поздним образованием. *Серым* называется хлеб, произведенный из смеси ржаной и пшеничной муки и представляющий собой только заводскую выпечку: *Кея от этот раз привозила, дала мне – бо'ле*

полбулки, такой... такой серый хлеб. <...> Наши [о родне] были, подчистую всё подмели. Чёрный, белый, серый – всякий пойдёт. Заметим, что онимические наименования сортов хлебобулочной продукции, бытующие в областном центре («Бородинский», «Дарницкий» и пр.), в лексиконе крестьянки отсутствуют, не отмечены они и в речи ее собеседников: в магазине села Вершинино продается просто хлеб. Преобладающим продуктом в сельской среде стал белый хлеб¹.

Единичный продукт несладкой выпечки из муки, изготавливаемой в русской печи, обозначался лексемой *булка*. Он имел только округлую форму (*А раньше кру'глы только булки [были]*) и довольно значительный размер, поскольку хлеб выпекался на большую семью. Косвенно эти признаки подтверждает сравнение *как булка* «о большой округлой опухоли» и одно из значений лексемы *булка* «большой, округлый ком (теста)» [14. Т. 1. С. 88].

К устаревшим видам выпечки относятся упоминаемые крестьянкой *калачи*, отличавшиеся от булки формой, но не величиной: *Мы калачи таки' стряпали – от таки', так закрутишь их да... хоро-оши, то'лсты таки'!* *калачи*. <...> А Тамара говорит: «Ой, Вера, ты-то по целому калачу брала [на работу]!» Я говорю: «А чё? В день калач съись – ничё, не страшно, я съедала». [*Калач какой величины?*] Ну хороиший [т.е. большой] такой калачик. Поди, килограмм-то будет. К перешедшим в пассивный словарный запас названиям разновидностей хлеба можно отнести также слово *поскрёбыш*: [*Как назывался хлеб из остатков теста?*] *Поскрёбыш. Поскрёбыш. Раньше деревянны были ква'ини-то – кадочки таки' деревянны. Поскрёбыш, наскребут*. Такой хлеб считался второсортным, поскольку он не обладал необходимой мягкостью: *От есть поскрёбыши, как раньше называли – ква'иню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!*

С появлением в продаже привозимого из города формового хлеба в употребление входит лексема *кирпич*, но иногда он по-прежнему называется *булкой* независимо от формы: *Крошко' привезли два кирпича [хлеба из города]; «Баба Вера, тебе хлеб надо?» Я говорю: «Нет, не надо. У меня ешо тот живой, говорю, кирпич, всё охота мяконький пои'съ»; Ну булка, кирпич ли [хлеба], булочка. Ну как их назовёшь?; Я говорю [односельчанину]: «Сколько хлеба берёте? – «Пять, булок беру на' два дня». <...> Да ешо, мне кажется, и не хватит пять булок. На четверых. Два мужука', да они обо'е [в]он каки'. По булке-то съедят в день.*

В числе обозначений частей испеченного хлеба отмечены *корка*, *мя'кош*, *ломоть*, *ломти'на*, *ломотик*, *кусок*, *кусочек*. Одни из них (*корка* / *мя'кош*) маркируют разные требования, предъявляемые к его компонентам, другие (*ломоть*, *кусок*) связаны с правилами порционного съедания про-

¹ «Чёрный ржаной хлеб имел стойкую репутацию еды для бедняков, поэтому по мере роста благосостояния европейского населения люди предпочитали переходить на более «престижный» белый хлеб. К слову, в СССР массовый переход колхозов с ржи на пшеницу произошел в 40–50-х годах, когда Сталин прямо заявил, что советский человек должен питаться белым, а не черным хлебом» [22].

дукта, который резали или ломали руками. Лексема *ломоть* и ее экспрессивно-эмоциональные дериваты употребляются только при упоминании хлеба: *Ну я сама поела [хлеб], сама один ломоть так отре'зала целый то-ненький, да ешо отре'зала, это, себе – вчара' да сёдня; Шчас Шарик у два ломтя больших отломила [хлеба]; Ну, булку-то надо, наверно [купить]. А кого там-ка? Отрежешь, Георгиевна, ломотик-два, а там уж чё, половина. Каки' булочки-то [маленькие], о'споди. Слово кусок может использоваться и по отношению к другим продуктам питания, однако наиболее прочны его синтагматические связи со словом хлеб: *А это... приедем [работать в поле], сразу наедемся – ну, кусок съешь хлеба, а в обед опе'ть, там опе'ть кусок съешь. Эта лексема часто употребляется без дополнения, «вбирая» в себя сему «хлеб»: Куском макали прямо в то'плено масло; Я с кусочком их [огурцы], с хлебом, ем; Хлеб всегда просит [односельчанка]: «Ты мне кусочек дай».**

Слово *крошка* (*крошечка*) имеет в идиолекте широкую сочетаемость, обозначая очень небольшую часть вещества (в том числе жидкого) и самое малое количество чего-либо [14. Т. 2. С. 99], однако в контекстах о хлебе почти не используется.

Отдельной номинацией обозначается особая разновидность разрезанного на части и высушенного хлеба – *сухари, сухарики*, значимая не столько как вид угощения к столу, сколько как способ сохранения черствеющей или недоеденной выпечки для последующего использования: *Раньше-то на сухарях делали котлеты; Ну сухари были от – я сухари намочила да наелась [когда дома не было хлеба].*

Синтагматика ЛСВ *хлеб* при обозначении продукта питания отражает его качественные признаки, оцениваемые как нормативные или ненормативные.

В первую очередь отмечается мягкость, характеризующая свежую выпечку, или твердость давно изготовленного продукта: *А хлеб-то мягкий да хороший; А мягкий хлеб, Оля? Ну давай... у ты ешь? давай булочку возьми; Мяконецкий хлебец!; А у меня хлеб-то ешь, а мне чёрствый не гля'нется. В речи реализуется антонимическая оппозиция мягкий – сухой, чёрствый: А Иван, гыт, не стали брать. Пряники [не купили], грызут сухой хлеб» – да и чё сухой? [В]он какой мягкий хлеб быва'т. Важно также такое органолептическое качество, как пропеченность. Избыточная влажность получает отрицательную оценку: *А это... Маруся брала [хлеб]... по тысяче бы'ино двести, с машины. Дак он как сырой, нехороший. Нехороший, она привозила сюда; Хлеб какой-то как сыроватый, это...**

Оценивается равномерность подъема хлебного мякиша, однородность консистенции, степень вязкости и пышности булки: *Испекла [соседка хлеб из плохой муки], она у ей как закал получился какой-то... Ну, это может так из-за дрожжей быть... так испортить можно хлеб, конечно. Ну, она... нехоро'ша у ей получилась... Хлеб, выпечка; Булочку-то спекла [односельчанка], а она – дуамо, поди, сыра': раздулись, не вы'тронулась путём. А я говорю: поди, это, сыра', да ешо посидела. А он корка по себе, мякош по*

себе; Гыт, это, такой – ма-аленький [хлеб продавали]! <...> А тесто, гыт, как резина, прямо раскусить нельзя; Хороший, гыт, [хлеб] по'рховка. Ну он... пышненький. [Из особой муки?] Пошто' из особой?] Из одной же муки испекушь, другой раз хороший, а другой раз нехороший. Как удасться. Качество хорошего хлеба соотносится также с приятным запахом: Ши'бко ароматный был [раньше хлеб]; Хоро'ши, запаши'сты булки больши'.

Как можно видеть, преобладают оценки, отражающие тактильные и зрительные, реже одоральные перцептивные ощущения.

Отрицательные оценки нередко при этом смягчаются (Дай мне кусочек какой там чёрственький; Хлеб какой-то как сыроватый). В отдельных контекстах прагматическое оценивание внешнего вида булок (пышность, умеренная поджаристость) сочетается с эстетическим: Я но'нче поцеловала хлеб: ой! Как от подушка пухо'ва! Ой, какой размилый; Ну, все пекут [хлеб в плите], а я всё не могу насмелиться. Не гля'нется мне. Нет! Они [булки] бле'дны каки'-то – как па'ски [«кулича»] так сидят [усмехается]; Бледный был у меня [хлеб], обо'е раза'. <...> Ну не зарумянились, такой белый [хлеб]. Белёхонький.

Имеют место и обобщенные синкретичные оценки: Валя привозит [хлеб] – редко такой плохой, всё хороший. Из городу; Хороший хлеб был, вкусный; Бери! Хлеб вкусненький; А сяс как опилки, никакого вкуса в хлебе нету. Обобщенная оценка хорошего хлеба подразумевает соединение ряда нормативных признаков выпечки: Булки хоро'ши, высо'ки, запаши'сты.

С хлебом для носителя народно-речевой культуры связаны не только оценки его свойств, но и осознание высокой ценности этого продукта. Наряду с собственно пищевой значимостью оно обусловлено вложенным в него трудом. Традиционная крестьянская культура предполагала не только выращивание зерновых культур, но и выпечку домашнего хлеба, входящую в обязанности хозяйки. Эта традиция была усвоена В.П. Вершининой от матери (Хлеб стряпали [в семье родителей] – то ка'жный день, то через день) и продолжена в собственной семье (Всё время пекла [хлеб]. Раньше пекли ка'жный... через день да цясто; Встанешь рано, хлеб состря'пашь, коровы – кода' две, кода' одна, – свины, всё надо, поливать надо...). С этим родом занятий ассоциативно связаны номинаций действий с мукой, тестом и собственно булками при выпечке хлеба: сеять (Стала стряпать, стала сеять, а там какой-то комочек вроде), заводить / ставить (А Валя приходит ко мне: «Тётя Вера, скажи, как тесто ставить, заводить»), подбивать / перебивать / перекачивать / выкатывать (Подыметя раз, я его [тесто] перекатаю, на столеинице, перебью – второй раз... Ну, раза два можно подбить, ли три, и укатываю; Ну, раза два ли три можно подбить [тесто], ли три ли, и укатываю. Растронутся – и в печку), садить (Всё выметешь, со'дишь [хлеб в печь]) и обобщенные обозначения стряпать, печь (А ты хлеб стря'пашь а'ли нет? Стря'пашь, не покупаешь?; Всё время пекла [хлеб]). Хотя в конце XX в. снабжение деревни из городских пекарен стало регулярным и доля покуп-

ных продуктов резко увеличилась (в дискурсе информанта и его односельчан-собеседников тема покупки хлеба и его цены также находит отражение), практика выпекания своего хлеба как более дешевого и более вкусно-го сохранилась среди многих пожилых жительниц села, в том числе ей следовала и исследуемая личность: *И хлеб не покупаю, всё стряпала. Испеку да испеку. <...> Так три, четыре булочки испеку.* Таким образом, и в этом случае налицо связь концептов ХЛЕБ и ТРУД. Фразеологизм *калачики висят(ся) (где-либо)* иронически комментирует ирреальный образ благополучной жизни в достатке при отсутствии трудовых усилий: *Он не рабо'тат нигде, хочет в город, а в городе калачики висят(ся). Там работать надо, а он работать не любит.*

Восприятие хлеба как ценностно маркированного объекта отражают и поступки языковой личности, и ее речевая практика. С заплесневевшей булкой она поступает так, как может поступить только крестьянка: *Но'нче Лабугина: «Тебе хлеба надо?» Я говорю: «Нет». Она: «Ты кого ешь-то?» Я говорю: «Да у меня всё время хлеб есть. Я чё, без хлеба сижу? От сеча'с ишь, булку выкинула. Заплесневел на днях прямо, открыла – он зелёный-зелёный весь! Я в карто'шки поло'жила [в подпол]. Мыши ли кто ли там съедят».* Говорится о преимуществе хлеба перед всеми другими видами выпечки: *«Хлеб всему голова», правда! Я от, кода' охота чё-нибудь горя'ченько пои'сь – я часто же пеку! То ола'дни испеку, то пирожки испеку, мале'нько, то вроде блины то'лсты испеку – люблю я мя'зко, зубов-то нету. А это... всё равно хлеб лучше всего.* Оценочные и ценностные коннотации лексемы хлеб отражают также диминутивные формы *хлебец, хлебушко, булочка, сухарик / сухарёк, ломотик, кусочек*, нередко встречающиеся в речи диалектоносительницы.

Оценочный слой концепта поддерживается в народной культуре как прецедентными текстами (легенда о хлебе *на собачью долю*, с детства заученная молитва «Отче наш» с обращенной к Господу просьбой: *хлеб... даждь нам днесь*), так и исторической памятью, вобравшей в себя коллективный опыт предшествующих поколений и личный жизненный опыт крестьянки, многое пережившей вместе с народом своей страны. В этой памяти сохранились детские воспоминания о неурожайном годе (*Дак это голод был, голодный год, двадцатый-то был, а тя'тя посеял, и потом её [весновку] зелёну поджали, ешо она не поспела путём, поджали, да хлеб зелёный был – я помню!*) и уже взрослые впечатления об опухшем от голода ребёнке сосланных в Нарым раскулаченных хозяев (*Они [родственники] его привезли оттэ'да – я помню, от такой как самоварчик был. Брюхо большу-уче! Это, рахит он был. <...> А он прям ноги, вот не поверите, от как эта банка ноги у него: голодом, опухли все! Ма'леньки, да от таки' толшыной. С голоду*), страдавших от недоедания многодетных семьях односельчан, тайком собиравших на колхозном поле колоски, подвергаясь опасности получить тюремный срок (*А колоски кото'ры собирали ходили, по полю – ой! <...> А кото'ры ножницы возьмут, да суслоны стоят, они обрежут это...<...> Высушат, да в ступке истолкут, да кашу варят, с их. Ну это же хлеб, всё равно*), кос-

нувшейся городских родственников карточной системе, по которой в условиях нехватки продовольствия в годы войны распределялся прежде всего хлебный паек (*По карточкам хлеб-то давали; А её [маленькую племянницу В.П., отправленную за хлебом] женинына кака'-то <...> за уголок её завела, и шаль у ей сняла, и карточки отобрала <...>. Они остались голодны' на целый месяц*)... Всё это, вместе взятое, сформировало в сознании диалектной языковой личности устойчивые связи концептов ХЛЕБ и ЖИЗНЬ, практически уравнивая их как высшие ценности, поскольку без хлеба наступает голод, а голод лишает человека, его семью и весь человеческий род возможности дальнейшего существования. Не случайно неоднократное цитирование крестьянкой поговорки *хлеб – всему голова: Дак а как? Без хлеба же не будешь. Сёдня песню пели: «Хлеб всему голова»*.

Обрядовый слой этой составляющей концепта сужен. В сознании носителя диалекта сохранилась некоторая связь хлеба как пищи с религиозными установками (в большей степени христианскими, хотя обряд колядования является в своей основе языческим, но приуроченным к Рождеству): *Я постилась два дня. А это давно, Катя, это я-то давно'шно всё знаю. Хлеба тоже не ели в тот день, в сочельник, раньше, ста'ры-то люди. Ну а мы-то чё? Я всё ела; Рожество' просла'вют – «Рожество' славим Христе' Боже наши» – просла'вют его, пропоют – «Ну, хозяин с хозяйшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну» [говорили ряженые на Святки]*. Следы славянской народной обрядности у носителя традиционного сибирского говора находятся на грани исчезновения. Вопросы собирателя на эту тему вызывают уклончивые, неохотные ответы: *[С хлебом не гадали?] Я... мало таких. Не приходилось мне ничё ши'бко. Не знаю. Денибу'дь было, мо'жет, всё быва'т ить. У всякого по-своему всё; [Говорят, старики умели место для дома выбирать.] Может быть. [Например, хлеб оставляли на ночь...] Не знаю. Собаки утащи'ют!; [Над головой сплещи'еся булки не разламывали?] О'споди, чё над головой хлеб разламывать! Не знаю, кто разламывал. Может каки' запу'ки [«суеверия»] там были, чё там... Единственное свидетельство использования в прошлом хлеба в функции оберега, оставшееся в памяти информанта, – о выбрасывании еще в начале XX в. печной утвари во двор для защиты от приближающейся грозы: [Как отгоняли грозу, град?] О'споди! Клюку убра'сывали, кого ешо тут-ка...<...> На улицу. <...> Ну и то я не убра'сывала, а так всё... помню, как чё-то вроде выкидывали¹.*

3. **Обобщенные смыслы** лексемы хлеб «пища вообще, пропитание» и «заработок, средства к существованию», отраженные в литературном языке, в дискурсе исследуемой языковой личности почти не представлены².

¹ В славянской обрядности для защиты от бури или града выносили во двор хлебную лопату или любую печную утварь, считая, что их нужно «встречать хлебом» [18. Т. 5. С. 419].

² Некоторую переключку со значением «пропитание» можно увидеть во фразеологизме *калачики висят'ся*, рассматривавшемся выше.

Отмеченное в ее речи выражение *не пропускать крошки хлеба* подразумевает «не есть вообще ничего»: *С той субботы ничё не ел [больной]. Даже хлеба крошки не пропускал никакой.* Значения «что-либо нужное» или «самое необходимое» прочитываются в поговорках *на людей калач купить* «трудно купить что-л. не для себя, рискуешь не угодить с покупкой» и у *хлеба, да без хлеба* «что-л. находится рядом, но невозможно его взять, использовать, съесть». В трудных ситуациях нравственного выбора между обеспеченным существованием униженного человека и жизнью в лишениях при сохранении своего достоинства декларируется предпочтение горькой бедности, переданное через яркий образ куска хлеба с пеплом, который «слаще мёда»: *Он [муж] смотался [к другой]. <...> А я стала ворчать, правда – тоже буду ра'зе молчать? <...> «Уходи к чёрту совсем туды', иди!» Я говорю: «Кусок в пепел помочу да слаще мёда съем, на чёрта мне твоё от это всё?» Мясо... корову закололи, да свинью закололи, мяса дополна'... А я: «На чёрта мне? Всё, ничё не надо!».*

В дискурсивном функционировании перечисленных устойчивых выражений более высокий уровень абстрактности семантики лексемы *хлеб* в то же время не исключает и смысла «продукт питания», как бы мерцающего сквозь обобщенное значение. Такое же синкретичное совмещение разнородных смыслов наблюдается и в бытовой коммуникации. Частотная среди односельчан и родственников просьба о деньгах в долг *на хлеб* не позволяет однозначно сказать, имеется ли в виду в этих случаях любая пища или же самый распространенный и сытный вид выпечки. Подобная просьба считается уважительной; отказать в незначительной сумме на покупку продукта, являющегося в представлении крестьянки жизненно необходимым, невозможно: *Ну... всегда помогаю, даю [взаимы племяннице]. Чё, скажет «на хлеб нету». Дак думаю: чё? У меня есь, а у их не будет; А она говорит: «Ты мне бутылочку... Прокофьевна, ты мне бутылочку [для спиртного] дай! Я зайду куплю». Я говорю: «Да ты чё! Я, говорю, тебе на хлеб [деньги] дала, ты чё!».* Минимальная цена расчета за мелкие услуги также измеряется ценой булки хлеба: *Я говорю [односельчанке]: «Сколь тебе за её [сметану]?» Она гыт: «Ай! Не знаю. <...> Ну, тысячи две дашь на булку хлеба, и ладно».* Как можно видеть, смысловые области рассматриваемого концепта явно отражают конкретность мировосприятия действительности диалектоносителем.

Итак, концепт ХЛЕБ можно отнести к числу культурных констант традиционной народно-речевой культуры, сохраняющих свои базовые признаки и в то же время подвергающихся постепенной трансформации в современных условиях [23]. Его анализ как значимой составляющей концептосферы диалектной языковой личности позволяет сделать следующие выводы.

1. Вербализация концепта ХЛЕБ в дискурсе сибирской крестьянки представлена прежде всего многозначным именем рассматриваемого концепта, немногочисленными производными от него, а также обозначениями разновидностей зерновых и выпекаемой продукции, действий, направленных на его выращивание и выпекание, их нормативных качеств и оценок.

2. Денотативный слой концепта имеет разветвленные зоны вербализованных смыслов «хлеб как злаковое растение» и «хлеб как продукт питания»; между ними существуют переходные зоны, связанные с обозначением зерна в колосьях, собранного зерна, смолотой из него муки, некоторых смежных с хлебом видов выпечных изделий. Речевая синкретичность многих ЛСВ и слабая развитость абстрактных значений дают основания для выводов о сохранении черт пралогического сознания.

3. Данный концепт отличается высокой развитостью аксиологического слоя, чему способствуют его включенность в личную сферу говорящего, а также тесные связи с концептами ТРУД и ЖИЗНЬ, входящими в ядерную зону концептосферы.

4. Представления о хлебе у носителя архаического типа говора формируются и поддерживаются не только в бытовой сфере дискурса, но и через усвоение прецедентных паремийных и мифологических текстов, трансляцию обычаев, обрядов и верований. Концепт ХЛЕБ, таким образом, включает обрядовый слой и связан с концептом ТРАДИЦИЯ как основой народно-речевой культуры.

Концепт ХЛЕБ исследуемой языковой личности, период жизни которой почти полностью охватывает последнее столетие жизни русского общества, демонстрирует переход многих его признаков из актуальных в исторические, что отражается и в архаизации ряда единиц лексикона, и в утрате обрядовых смыслов в сознании диалектоносителя.

Литература

1. Решке Н.А. Концепт «ХЛЕБ / BREAD» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество: философия, история, культура. 2012. № 3. С. 91–94.
2. Долинский В.А. Номинация хлеб в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 13 (699). С. 81–121.
3. Мирзоева З.Д. Концепт «ХЛЕБ / НОН» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2016. 168 с.
4. Плисов Е.В. Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (28). С. 20–31.
5. Синячкин В.П. Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 22 с.
6. Зинковская Л.С. Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 26 с.
7. Актуальные проекты: Исследование диалектной языковой личности // Сайт Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. URL: losl.tsu.ru (дата обращения: 20.05.2018).
8. Гынгазова Л.Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136–146.
9. Гынгазова Л.Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.
10. Гынгазова Л.Г. Концепт «Путь» в картине мира языковой личности диалектоносителя // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке. Екатеринбург, 2005. С. 69–75.

11. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
12. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–230.
13. Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 15–19.
14. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
15. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
16. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
17. Фрейденберг О.М. Наука о первобытном мышлении // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 29–31.
18. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 16: Куделя – Лесной. Л. : Наука, 1980. 376 с.
20. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 990 с.
21. Гынгазова Е.В., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 20–37.
22. Новицкий И. Рожь: сорта, особенности и перспективы выращивания. URL: <https://сельхозпортал.рф/articles/rzhi-vidy-osobennosti-i-perspektivy-vyrashhivaniya/> (дата обращения: 01.06.2018).
23. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

THE CONCEPT “BREAD” IN THE DISCOURSE OF A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 47–64. DOI: 10.17223/19986645/56/4

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: concept, bread, dialect language personality, discourse, Russian dialects of Siberia.

The work is part of a large-scale project to study the phenomenon of dialect language personality carried out by scholars of the Tomsk Dialectology School. The article analyses the concept BREAD in the linguopersonology aspect, based on the discursive data of a specific dialect speaker. The material of the work was the texts of the Siberian peasant Vera Vershinina (1909–2004) reflected in the full type idiolect dictionary and in the author’s archive of the informant’s speech recordings.

The main conceptual areas of the concept are related to the concept of bread as a growing grain and as a food product; there are transitional zones between them (grain in ears, collected grain, flour ground from it, some types of baked products close to bread). Verbalisation of these meanings is represented by the polysemantic name of the concept under consideration, a few derivatives from it, as well as an extensive denotative layer with designations of varieties of grains and baked products, actions aimed at growing and baking bread, its regulatory quali-

ties and evaluations. The generalised meanings of the lexeme “bread” (“food in general”; “earnings, means of subsistence”), reflected in the literary language, are almost not represented in the discourse of the studied language personality. Transferred meanings (“something necessary”, “most necessary”, etc.) do not exclude the direct meaning “specific type of a baked product”. The speech syncretism of many expressions and the weak development of abstract semantics give grounds for conclusions about the preservation of features of the pre-logical consciousness.

This concept has a highly developed evaluation layer. Evaluations of bread are predominantly pragmatic. Bread is considered the foundation of life and staple food. The peasant supports the idea of bread as the highest value by texts of myths, prayers, sayings, historical memory of the shortage of bread during the crop failure and wars, the awareness of the labour invested in bread production based on her personal experience. The links of the concept BREAD with the concepts LABOR and LIFE are logical.

Pagan and Christian rituals, customs and mythological images relating to arable farming and bread baking occupy an important place in the ritual layer of the concept. The concept BREAD, therefore, is connected with the concept TRADITION as the basis of folk speech culture. At the same time, the discourse of the language personality under study, whose life almost completely covers the past century of the life of Russian society, demonstrates the transition of many features of the considered concept from topical to historical. This is reflected in the archaisation of a number of units of the lexicon, in the extinction of the ritual component in the consciousness of the dialect speaker.

References

1. Reshke, N.A. (2012) “Bread/khleb” concept in the linguistic consciousness of the representatives of Russian, English and American cultural-linguistic communities. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 3. pp. 91–94. (In Russian).
2. Dolinskiy, V.A. (2014) Nomination “khleb” (“bread”) in the Russian linguistic worldview. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – MSLU's Vestnik*. 13 (699). pp. 81–121. (In Russian).
3. Mirzoeva, Z.D. (2016) *Kontsept “KHLEB / NON” v russkom i tadzhikskom yazykakh* [The concept “BREAD/NON” in Russian and Tajik]. Philology Cand. Dis. Dushanbe.
4. Plisov, E.V. (2016) Concept of bread in Russian, German and English worldviews. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*. 2 (28). pp. 20–31. (In Russian).
5. Sinyachkin, V.P. (2002) *Kontsept “khleb” v russkom yazyke: lingvokul'turologicheskie aspekty opisaniya* [The concept “bread” in Russian: linguistic and cultural aspects of the description]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
6. Zinkovskaya, L.S. (2006) *Reprezentatsiya kontsepta KHLEB v narodno-razgovornoy rechi XIX – nachala XXI vv.* [Representation of the concept BREAD in the popular colloquial language of the 19th — early 21st centuries]. Abstract of Philology Cand. Dis. Omsk.
7. Website of the Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (2018) *Aktual'nye proekty: Issledovanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Current projects: Study of dialect language personality]. [Online] Available from: losl.tsu.ru. (Accessed: 20.05.2018).
8. Gyngazova, L.G. (2002) [Dictionary of dialect language personality as a reflection of the conceptualization of the world]. *Ot slovarya V.I. Darya k leksikografii XXI veka* [From the dictionary of V.I. Dahl to the lexicography of the twenty-first century]. Proceedings of the International Symposium. Vladivostok: Far Eastern State University. pp. 136–146. (In Russian).
9. Gyngazova, L.G. (2003) [The concepts “Life” and “Death” in the language of a dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. 2(1). pp. 103–111. (In Russian).

10. Gyngazova, L.G. (2005) [The concept "Way" in the picture of the world of the language personality of a dialect speaker]. *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i v nauke o yazyke* [New Russia: New phenomena in language and in the science of language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg: Ural University. pp. 69–75. (In Russian).
11. Gyngazova, L.G. (2005) [Picture of the world of the language personality of a dialect speaker: A naive religion]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Proceedings of the International Conference. Saratov: Saratov State University. pp. 158–165. (In Russian).
12. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept "Will" in the individual consciousness of a traditional speech culture representative]. *Aktual'nye problemy rusistiki: Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical issues of Russian studies: Language aspects of regional human existence]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–230. (In Russian).
13. Gyngazova, L.G. (2007) Interpretation of the world by the linguistic personality of a dialect speaker and its reinterpretation by the researcher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 15–19. (In Russian).
14. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The complete dictionary of a dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Vorkachev, S.G. (2001) Kontsept schast'ya: ponyatiynny i obraznyy komponenty [The concept of happiness: Conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 60(6). pp. 47–58.
16. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov Collection]. Moscow: Nauka.
17. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of the plot and the genre]. Moscow: Labirint. pp. 29–31.
18. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
19. Filin, F.P. (ed.) (1980) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 16. Leningrad: Nauka.
20. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
21. Gyngazova, E.V. & Ivantsova, E.V. (2016) Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialect language personality: products and dishes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 20–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/2
22. Novitskiy, I. (2017) *Rozh': sorta, osobennosti i perspektivy vyrashchivaniya* [Rye: Varieties, characteristics and prospects of cultivation]. [Online] Available from: <https://xn--80ajgpcpbhkds4a4g.xn--p1ai/articles/rzhi-vidy-osobennosti-i-perspektivy-vyrashhivaniya/>. (Accessed: 01.06.2018).
23. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3